

Татьяна Кайсарова

*Мёмный
Мёд*

Стихи

Вест-Консалтинг
Москва
2010

Т. М. Кайсарова. Тёмный мёд. Стихи. — М., «Вест-Консалтинг», 2010.
— 92 с.

Рисунки автора

ISBN 978-5-91865-032-5

© Т. М. Кайсарова, стихи, графика, 2010
© «Вест-Консалтинг», оригинал-макет, 2010

О стихах Татьяны Кайсаровой

«Поверить алгеброй гармонию» (то есть попытаться хоть как-то проанализировать поэзию) нелегко, а может быть, невозможно. Но я попытаюсь. Не я первый, не я последний.

Поэзия Татьяны Кайсаровой — это особая «гармония».

Мне кажется, существуют такие поэты, которые являются поэтами, так сказать, в чистом виде. Без так называемых культурологических, филологических, идеологических и прочих наслоений. И культура, и филология, и идеология, и прочие и прочие «логи» — всё это в них, конечно, есть. Потому что их не может не быть в современном человеке; например, в таком, который живет в центре Москвы, «заведует» поэзией МГУ имени М. В. Ломоносова, является профессиональным литератором и т. д. и т. п. (всё это — о Т. Кайсаровой).

Но интересно, что всё это никак не влияет на её поэзию, которая как раз и остаётся поэзией в чистом виде.

По-моему, Кайсарова — поэт «здесь и сейчас». Её, выражаясь греческими терминами, Мелос и Пафос развиваются вместе со временем, с Хроносом.

Опять же: нет более странного и безнадежного дела, чем классифицировать поэтов и поэзию, но, тем не менее, все поэты очень чётко делятся (говоря теперь уже по-китайски) на Поэтов-Инь и Поэтов-Ян. Упаси боже: речь не идёт о женской и мужской поэзии. Блок, Велимир Хлебников, Пастернак — это Инь-поэты. Гиппиус — Ян-поэт.

Ян-поэт — это Ремесленник, Демиург, Творец (что одно и то же). Он, как все поэты, ловит «музыку сфер», а затем эту музыку, этот Мелос начинает хозяйственно, по-конфуциански, оттачивать, скомпановывать, систематизировать, «гачать». Хронос и Мелос он подчиняет Логосу и Топосу. Он — архитектор Мелоса, усмиритель Хаоса. Он — Космос... Получилось немножко «умно», но ничего не поделаешь.

Инь-поэт отдаётся Хроносу и Мелосу, времени и музыке, он по-даосски плывёт по этому течению, «по волнам своей памяти», чувств, ассоциаций, сомнений. Он тот самый ёжик, который упал в Реку, и Река сама несёт его.

Исконная, первозданная поэзия, поэзия арабских бедуинов-равнев, скандинавских скальдов, кыргызских акынов, создавших самый большой эпос в мире — «Манас», это Инь-поэзия. Пушкин бо-

готоврил такую поэзию — например, в «Египетских ночах». Герой «Египетских ночей» — акын-импровизатор. Только он итальянец, а чем итальянец лучше певца «Манаса»?

Поэзия Кайсаровой — это Инь-поэзия в чистом виде. Что очень редко встречается в наше время. Здесь есть абсолютная Инь-искренность, и это главное. У Кайсаровой, если употребить «стёртую», но очень точную метафору, стихи именно «льются».

Как надо читать эти стихи? Трудно давать рекомендации. Я прочитал их — как поток. Мне было интереснее упасть в эту самую Реку и плыть вместе с лирическим героем, причём — с любого места сборника. Для сравнения: так хочется читать Блока, Достоевского (тоже Инь-поэта). А вот Арсений Тарковский или Заболоцкий — совсем другое дело.

Стихи Кайсаровой эмоционально очень «густые». Там есть и своя метафорика. Там «луна снимает пенки плывущих облаков и гонит их во тьму», на дне водоёма там «лениво шевелятся мифы», там «краплённые берёзы» и «сдобрен мёдом отвар осинової коры».

Может быть, это слишком радикально сказано, но Кайсарова, современный человек, пишущий стихи, как все мы, на компьютере, воспроизводит именно архаическую, языческую, мистическую стихию, ту самую, которая вдохновляла древних поэтов, купавшихся в поэтической Инь-Реке.

Можно назвать такого поэта и по-другому: переводчиком, даже переводчиком-синхронистом. Он здесь и сейчас, и никак иначе, переводит потаённое в явное, словесно материализует те самые духовные «блики» и «миражи», которые так часто встречаются в текстах Кайсаровой, в реальную поэтическую ткань.

Татьяна Кайсарова в одном из стихотворений спрашивает себя настойчивым рефреном, напряжённой анафорой: «Чем с миром связана?»

Вот этим самым. Своей поэтической Синхронией, где «Син» — вместе, а «Хронос» — время.

Иначе говоря, Со-Временностью.

Владимир Елистратов

*Мы забираемся в отдалённые уголки памяти,
где-то на краю ночи,
на краю нашей вселенной, и она,
как маленький осколок
огромного зеркала, отражает одно из наших «я»...
Мелькнув, оно больше не повторится.*

Валентин Куклев

* * *

Все слова и желанья давно и не мной сочтены.
В том ином бытии, неземной, нереальной юдоли
Проплывают, мерещатся, длятся виденья и сны,
и вершатся стихи, повинуюсь Божественной воле.

Не уйти и не спрятаться, держит и длится строка.
Легкий промельк курсора летит, исчезает, дробится, —
то неведомый текст набирает послушно рука,
и смятенье души в виртуальность пространства ложится.

*Войди
в мой сон*

1

Прошу тебя, неведомо и тайно
живи во мне на побережье снов.
Ночное наваждение — не случайно,
как не случайно сочетание слов
«бесценный мой». Я знаю: ты двойник,
во мне твоя любовь, печаль и горечь,
ты не обманешь, не начнёшь войны
и отречением не обездолишь.

Я знаю — ты услышишь, как и я,
когда волна заговорит стихами
на опустевшей кромке бытия
и побережье затаит дыхание...
Как незаметно возникает звук,
неслышанный, небесный, сокровенный,
и слово к слову принимается вдруг
в просторах и мистериях вселенной.

Кто я тебе: любимая, чужая,
или навек — твоя, от рождества?
Загадку наших уз — не разглашаю,
как и загадку странного родства.
В твоих руках я стану тёплой глиной,
а ты твори, придумывай, тревожь,
почувствуй вечности полёт шмелиный
и воплощенья радостную дрожь...

Мой ангел, слышишь: я больна прибоем,
побудь со мной, войди в мой тёплый сон,
лишь ты способен одарить покоем —
заворожить дыханьем в унисон
с роптаньем волн, безмолвием глубин,
шуршаньем звёзд, луны прикосновеньем...
Ты, как поднявший лампу Аладдин,
соединишь разрозненные звенья.
И та дорога долгая домой
покажется до боли долгожданной,
мерцающей — земной и неземной —
невыносимо горькой, но желанной.

2

А дождь начнётся невзначай:
увязнет капля в паутине,
под дерзкий гомон птичьих стай
туман поднимется в низине.
Прохладой утро отзовётся,
коснётся яблоня плеча,
забытый лист с ветвей сорвётся
и упадёт в остывший чай.

Я вижу и не вижу сад —
одни разрозненные звенья...
Слепит, как молнии разряд,
невероятный луч прозренья,
что ты со мной, и где-то рядом
твоя надёжная рука
очерчивает берега
вокруг меня в пределах сада.
Я в безопасности
и слово —
кристалл невидимой строки —
с твоей ладони взять готова,
любому смыслу вопреки.
Пусть заблудившееся зренье
из прошлого вернётся вновь,
и хлынет свет!
И озаренье
всё ближе,
ты не прекословь.

3

Нам уже не стать рабами тени,
как у слабодушных повелось.
Ничего, что вниз ведут ступени,
не спеши: что было, то сбылось.
Подари мне что-нибудь из детства:
Золушкиной феи колдовство,
тыквенное странное наследство,
с принцем тридевятое родство.

Боже, для чего я слишком много
у тебя прошу на этот раз?
Я же знаю — не придет до срока
время, разлучающее нас.

4

Сегодня ты в миноре. Я одна.
Всю ночь печалишься, и мне тревожно.
Белёсым ликом полная луна
на яблоко незрелое похожа,
но суггестивен приходящий свет,
и в воздухе густом таится мука...
От снов и миражей спасенья нет,
одни виденья — никакого звука,
ни отклика, ни выхода из круга...
Потерян след.

А завтра вдруг захочешь говорить,
искать свой мир, отыгрывать пространство,
применишь колдовство и станешь жить,
не требуя любви и постоянства,
не признаваясь никому в родстве,
былые имена забудешь скоро
и обойдёшь любого в мастерстве
чертить слова мистическим узором...
И новый день не кажется повтором —
он блик в листе!

5

В этом странном, нелепом кочевье,
где случайный попутчик раскос,
где от пыли ослепли деревья,
и земля коченеет от рос,

где, терзаем полуденным зноем,
забивается в щели варан
и особой легенды достоин
разъярённый ветрами буран,

где знаменье встаёт за знаменьем
и омела, исхода сестра,
предвещает внезапным паденьем,
что со словом опасна игра, —

в этом мире лишь мы неделимы:
ты прохладным дыханьем своим
защищаешь от смрада и дыма,
увлекая к полям неземным.

6

Зачем ты бережёшь меня? Не надо!
Диктующего голос так невнятен...
Не становись случайною преградой
летящему потоку восприятий,
не потакай несовершенству слуха,
не прерывай игры души и слова —
темна, как боль неузнавания, мука.
Ты слышишь?.. Я к покою не готова.
Пока синеют маски стылых мумий,
пока мутанты на гербах и флагах, —
уйдём подальше от черты безумья,
от адových бетонных саркофагов!

Остановись, прислушайся со мною
к щемящей какофонии вселенной...
Диктую, с неземного на земной,
я лишь тебе сей перевод мгновенный!

7

Ты засыпаешь: на восток
уходят сны, ладони тяжелеют,
и рвётся связь. Темнеет потолок.
Пожаром Рима горизонт алеет...

Но скоро я твои увижу сны,
песочные часы просеют зимы...
За далью ускользящей видны
костры, костры, и только ветры — мимо.

Летающих хороводов ярче круг,
причудливы одежды полонянок,
несутся кони, стягиваясь в круг,
и пропадают. Только полустанок

между веками прячет полынью,
где исчезает призрачность былого...
Но только я вольна! Я — сохраню
и явь, и сон... И всё вернётся снова.

Луна к стеклу приблизилась в ночи.
Всё кончилось. Сон выгорел золою...
Как громко птица странная кричит!
Не беспокойся — я окно закрою.

8

Коль затянется лето, то будет негаданной осень:
вспыхнут жёлтые кроны холодным порывом огня.
Не спеши уходить: там, у края, горит отголосок —
это просто закат. Не спеши уходить от меня...

Схлынет ночь, мы с тобой по невнятной дороге
добредём до конца, до ближайших небесных ворот,
где колышется свет, где Смотритель печально и строго,
отворив пустоту, вдруг у нас за спиною замрёт.

Наваждение дня перейдёт в наваждение ночи:
станет складывать звёзды неведомый нам звездочёт...
Не спеши — мы с тобой до конца, между прочим,
пережили, что было. Ну а то, что случится, не в счёт.

9

Закончится ночь. Я не знаю, чем утро начнётся:
качнется ли полог, набухший дождями, прольётся
ли грузная влага из тайных хранилищ Ильи,
а может, гроза громыхнёт и осядет вдали.

Любимый, смотри: ни звезды в небесах, ни луны,
как будто бы скорбные сроки уже навсегда сочтены,
и в пору со скарбом никчёмным готовиться в путь,
и... станет ли нынче молиться ещё кто-нибудь?

Пора, торопись, мы успеем по ниточке ночи уйти.
Польнь вдоль дороги и в холод готова расти...
Светает за теми холмами, за гранью пустот —
где в диких хвощах первозданное слово растёт.

10

Там было всё не так, как в Подмоскowie:
не те деревья и не та трава,
в густом тумане — влажные низовья,
и осени прощальные слова
неповторимы и полны любовью.

Ты будешь помнить всё, ведь мы с тобой
неразлучимы до скончания мифа:
то яблоко янтарное и сливы,
и поцелуй, подаренный судьбой,
в счастливый день на берегу залива.

Ты будешь помнить наш прощальный час,
когда был дождь. Ты будешь помнить дождь.
Не скроешься, предлога не найдёшь
перечить Разлучающему нас
и той разлуки миг не отведёшь.

А ночь земли коснётся так внезапно:
низовья гор впитают влажный мрак.
Погаснет звук. Пускай там будет запад,
где длится тишина — пусть будет так!
У памяти неповторимый запах...

11

Какую тревогу скрываешь прилежно,
гадая по книге, листаемой мной?..
Напрасны усилья и тщетны надежды —
кристалл этой магии бледен зимой.

Печаль наша там — возле тёмных окошек,
где робкая память дрожит в уголках
и старый камин остывает, заброшен
на время, на годы, на жизнь, на века.

Обиды и горечь — пустое, пустое,
как ложные в зыбком болоте огни:
и тёмная боль, и озноб непокоя...
Забудь обо всём! Вечереет. Усни.

12

Не уснуть. Наплывающей тьме вопреки,
две коротких строки ворвались, загорелись, остыли.
Видно, я обманулась, что мы сочиняем стихи,
не подумав о том, что они нас давно сочинили.

На небесном танцполе бенгальские гаснут огни,
только белые искры мерцают и тают в полёте...
Обними же нас, память, польсти, очаруй, обмани,
посчитай наши лета, — ты, видно, ошиблась в подсчёте.

Пусть Селена молчит, освещая нелепый союз,
за которым вся жизнь, вся «куриная» эта морока...
На небесном танцполе наш танец: то медленный блюз,
то безумная сальса бурлящего страстью Востока.

13

Зима к концу. Уже за середину
перешагнул замёрзший пешеход,
уже световорот подтаял льдину
моей реки в субботу из суббот,

в ту, предпоследнюю, когда по звуку
меня зима водила семь кругов,
и я твою вдруг ощутила руку,
не доходя до сна семи шагов...

Останься, не спеши... Тебе я имя
из древлерусских извлеку глубин:
возможно, назову тебя Владимир,
хотя зачем, когда ты — Константин.

Когда я не одна, когда февраль
сбивает к берегам обиды желчь,
я знаю, что стихов моих эмаль
способна заморозить и обжечь.

14

Хрустальный день не для игры...
Прости, но спорить неохота —
уже готов и сдобрен мёдом
отвар осиновой коры.

Печальны отголоски песен.
Увы, мне жаль — я не пою,
я горький сок осины пью,
в нём тает мёд янтарной взвесью.

15

Густым вином — лечи бывшее.
Не бреди фантомы ран,
Заговори, прижги золою...
Вот песни древние славян
слышней, и отступают хвори,
и тело, легче ковылей,
плывёт в предутреннем мажоре
славянской родины твоей.

16

Поверь, мне грусть твою лечить
сложнее, чем ангину нянчить медом.
Чуть что — любой совет начнёт горчить.
Ты горечь отвергаешь мимоходом.

Ты лучше отпусти, как горечь, грусть.
Довольно! — Напечалился, и будет!
Окно откроем. Ветер? — Ну и пусть —
он душу беспокойную остудит.

17

На стенах старинных — не стóбит, не стóбит,
как будто на карте судьбы,
искать по проталинам блёклых обоев
невидимый след ворожбы.

За снежным окошком замрёт Провиденье
до первой полоски зари.
С крещенских высот под метельное пенье
послышится: «Дверь отвори».

И скрипнет порог тяжело и устало —
всё будет, как сон наяву,
и то, что когда-то себе нагадала,
предвиденьем вдруг зову.

18

О память, отпусти — не вспоминаю,
сомнительных даров не принимаю...
Но заросли шального винограда —
как звук и отзвук найденного лада,
а кисти — слитки спелости живой...
Воспоминаний сладкая отравка —
угодливая памяти подстава,
луна и шум волны береговой...
И пьяная звезда над головой.

19

Краткие промельки: снег и вода,
странные маски и лица...

Кажется, я не усну никогда.

В небе царит и вершится
разгул полнолуния.

Он длится,
тревожа, грозя, громоздя
пустые события,
и старая шляпа с дверного гвоздя
слетает, как птица.

С отставшею стаей стремится на юг
и машет полями...

Ни звука, ни скрипа, ни всплеска вокруг,
лишь лес под ветрами
качает тревогу послушной листвой,
растёт амплитуда рассвета,
и я различаю забытый тобой
букет сухоцветов.

20

Не станешь оплакивать долго былую потерю —
устанешь. Но если смолчишь — не поверю.
Я знаю: монашеский подвиг тебе не по нраву,
но знание — пустое. Сникают усталые травы
в заплатках скорбящей листвы над безумной утратой
и стыннут в осенней поре, и молчат виновато...

В ночи вспоминай, ибо только молчанье
наполнит пустые бокалы напитком печали.

21

Мигнёт востоку спелая звезда,
и будет сниться быль и небылица,
и замелькают в тёмном оке птицы,
гирлянды фонарей и города...

Вбирая тёмный мёд твоих ночей,
Италия, усну на побережье.
Песок остывший, шёлковый, ничей
стал только мой и потому так нежен.

И пусть кому-то снятся январь,
пустынные дворы, где снег хозяин, —
Италия, замри и отвори
Все выходы в миры твоих окраин.

Взметнулась птица — то судьба моя
внезапно приняла её обличье,
и с берегов другого бытия
о чём-то вдруг поведала по-птичьи:

о том, что будешь Ты, и твой приход
подарит счастье и разбудит слово,
и итальянской ночи звёздный мёд
уже для нас двоих прольётся снова.

22

За снегопадом снегопад
слетает в сонную столицу,
и ночь, как строчка, наугад,
в приволье белое ложится.

Душе так хочется лететь
вдоль узких улочек Арбата,
и пусть луны январской медь
подрагивает виновато.

Хоронится под снегом лёд,
вздыхая, тяжелеют крыши...
Но всё равно: полынь и мёд
твоих признаний давних слышу

и невозможной встречи жду,
снежинки лёгкие глотая,
бегу, теряясь на ходу,
и в колкой вьюге пропадаю.

23

Когда решишься уходить —
с овчинку небо станет! Хлынут
печально-стылые дожди,
и даже капли слёз остынут.

Опустит полог тишина,
в глазницах мира сникнет время,
качнёт усталая волна
рыб исчезающее племя...

Но ты не уходи, постой:
всё хаотичней, всё короче
мелькают мысли за спиной —
побудь со мной на кромке ночи...

24

Он так далёк, тобою чтимый юг,
Поверь, коль выпало, и я б его любила,
совсем как ты. Но Богу недосуг
сменить полёт ветров в истоках Нила.
Ему милей играть смещеньем сфер
и облака кроить из белой ваты,
он стал забывчив, как седой аскер*,
и за грехи не требует расплаты.

Возьми меня с собой на острова
в смолистую прохладу кипарисов,
хочу увидеть, как цветёт айва...
И пусть наш странный разговор продлится
туда: за влажный берег, за туман,
за бриз прохладный, за холмы и реки,
за край земли, упавшей в океан,
за все пределы — навсегда, вовеки.

---

* Аскер (тур.) — воин, солдат.

25

Осень озимью пахнет и скорой разлукой,
водянистость зеркал только множит печаль...
Подари напоследок мне тёмную муку,
близорукую близость — и даль.

Завтра мы не увидимся, только сегодня —
опечалено время прощаньем с тобой.
Пропадают любви одичавшие кони,
откликается эхо судьбой.

Облака торопливо уходят на север...
Отпусти — не удерживай грусть!
Как ромашку, терзаю испуганный клевер:
не вернусь, не вернусь, не вернусь...

26

Размыта память в серых камышах.
Волна тревожит стружья плавниками.
На дне лениво шевелятся мифы.

Лунатиком на цыпочках пройду
по хрупкому карнизу ностальгии...
Не вскрикни, птица!

Бессонницу не выберу:
на вязком дне её
беспамятство и память сеют смуту.

Нелепы сновиденья этой пары:
костры и орды...
Хороводы орд у гаснущих костров...

Любовь сгорела. Некому оплакать.

27

Белёсый свет в родимом храме сруба.
Стон осени так непривычно тих,
как краткий поцелуй, спаливший губы,
и вздох, и трепетанье рук твоих.

Всё исчезает в торжестве рассвета...
Беспечное течение времён
уже уносит в Лету наше лето,
не сохранив признаний и имён.

Вино ещё не выпито прохладой,
в разбухшей кадке влага, как смола,
но только я прошу тебя: «Не надо,
мой Боже, посылать ко мне слова!»

28

Такое солнце, тает снег в горсти!
Чья эта тень в оттаявшем окне?
Того ли, кто всё помнит обо мне
и кто простил?

В проталины проглядывает мох —
мой Бог, ты так великолепно мил
и так жесток — ты память отпустил
стрелой в висок.

Качнулся полдень, всколыхнулась синь,
и, вспыхнув, замелькали миражи,
и в храме засветились витражи...
Аминь!

29

Твой холод порою сродни вековым ледникам,
но сколько печали в молчанье снегов бесконечных,
что даже в объятьях не выпало встретиться нам,
и мается небо, и дремлет застывшая вечность.

Любимый, на севере где-то, в слоистых снегах,
намаявшись спячкой, тайга под ветрами очнётся,
и вспыхнут живые огни на чужих берегах,
небесная млечность седыми дождями прольётся.

Забудем про холод, уйдем по опасной тропе.
По стеблям хвощей, проступившим пока еле-еле,
Колдует Венера — уйдём по её ворожке
за вечным огнем неприметным развилком апреля.

30

Я снилась тебе в азиатской чадре,
девчонкой в песочнице в ближнем дворе,
смиренной монашенкой в храме забытом,
распутной девицей, поверженной ниц,
роняющей колкие слёзы с ресниц,
распутной танцовщицей в баре элитном...

Любовницей снилась, являлась в бреду,
но больше во сне никогда не приду!
Печалься в немом безымянном раю,
пытайся припомнить... Пытайся, пытайся,
по кущам земным и небесным скитайся —
тебе не узнать, что я рядом стою.

*Мем с миром
связана*

* * *

Николаю Алексеевичу Щелокову

Не читаю убогих сказаний о злых временах.
Там темно. Всё былое — враньё на продажу.
Бог просеял сквозь мелкое сито и землю, и прах,
а провидцы лукавят и путают пряжу.

Вновь родиться? Но тесно на этой земле!
Быть крылатой — и вовсе не хватит простора...
Вижу свой отпечаток на мутном оконном стекле —
мой единственный след от победы, любви и позора.

Обучусь колдовству, обозначу спасительный круг,
отыщу карандаш, а потом, если будет охота,
напишу пару строк и невольным движеньем рук
отпущу к небесам, чтобы дольше следить за полётом.

На грани баловства...

Чем с миром связана? О Боже — ерунда!
Две цинковых трубы с нарезкой и вода,
Ещё пятьсот рублей, что взяты в долг...
Нетрезвы мастера, но виден толк:
Земле полив, а остальным питьё —
Успокоенье краткое моё!

Чем с миром связана? На грани баловства —
Горох на рабице стирает миф родства.
Но миф — лишь вымысел. Не вымыслом живу:
По мне родство равно души родству —
Так со звездой сходится звезда:
Могучий всплеск и радость навсегда!

Чем с миром связана? — Пытаюсь угадать:
Бесхитростным умением вспоминать
И кем-то свыше, кто позволил мне
Порой парить свободно в вышине
Над тьмой обид, над пропастью проблем
И не владеть ничем, владея всем.

* * *

Прислушайся: по клюквенным болотам
уходит день, плывёт былого тень,
и прячет глухомань в себе кого-то —
ослепшего, как ночь, и дерзкого, как день.

Недавние следы ещё темнеют влагой,
но скоро навсегда останутся в былом...
Ты только не кичись своей отвагой,
как глупый шмель, не бейся о стекло.

Ты только не спеши. Меж облаков размытых
поднимутся ветра, предчувствуя полёт
в тот параллельный мир, естественный, как выдох,
и полыхнёт закат, как будто позовёт.

* * *

Намекни мне, Всевышний, зачем я на этих весах
неземных? Почему не умолкнул Сирены? —
Сколько сладостной горечи в их колдовских голосах!
Но привязанный к мачте узнал сладкогласию цену.

Не закончена жизнь. Торопливое сердце, молчи.
Столько странствий ещё до затерянной в грёзах Итаки.
Ворожит ипомея* над местом, где пали мечи
после той, роковой, лобовой и последней атаки.

Растворились века, замелькали садов паруса,
трассы дымная ось поднимается осью земною...
Обернись, Одиссей, загляни на мгновенье в глаза,
позабыв обо всём, и навеки останься со мною!

---

* Ипомея — многолетняя лиана.

* * *

Т. Виноградовой

О Боже, не ропщу и не скорблю —
безмолвствую и не ищу ответа,
лишь мысли потаённые ловлю
сквозь тысячи небес, таких, как это.
Листаю, Боже, твой осенний лес,
И принимаю изморозь предзимья.
Вся жизнь моя — как череда чудес,
и у чудес твоё, навеки, имя.
Твоя любовь, как милость, велика,
крепка молитва силою глагола.
Рождений и смертей сквозит река
за Млечный Путь, до горнего престола.

След журавлиный

Что ты ищешь, пытливый,
неприкаянный мой,
Бог строки торопливой
и манеры иной?

Что ты видишь? Каштаны
или крыши машин?
Что ты слышишь, мой странный,
в громозвучной тиши?

Мы уйдем, мой игривый
и причудливый Бог.
Белым облаком сливы
укрывают порог.

Над мирком тополиным,
прозябшим насквозь,
только след журавлиный
разглядеть удалось.

Храмов бледные тени
на российском ветру
в белооблачной пене
растворятся к утру.

* * *

Дневное диво, таинство ночное,
знак солнца, потаённый знак луны...
Ожоги полнолуныя или зноя,
Или тату узоры вдоль спины?

Пусть радость — лишь обман и тень покоя,
Тревожные капли — знак весны...
Смотри! Таранит твердь и гибнет «боинг» —
и жертвы до полёта сочтены.

Незрячей птицей пролететь над миром
и в полусмерти, полузабытьи,
узнать, что струны порваны у лиры,
и изгнаны из леса соловьи...

и замереть, без смысла и без слов...
Но всё принять мой разум не готов!

* * *

Уже случилось, всё равно,
то, что должно было случиться...
Луна, как Римская Волчица
лакает чёрное вино
из чаши русского Кавказа,
и жажды ей не утолить!
В последнюю вступая фазу,
она не в силах утаить,
что здесь, где вереск и инжир,
и этот пляж ночного Сочи,
и тёмное пространство ночи —
есть вход в потусторонний мир.

* * *

Какие до рожденья видим сны,
каким узором мысли сплетены?
Нам, до и после, не узнать ответа...
И, видно, досмотреть их суждено
за мнимую рекой с названьем Лета,
в миры иные отворив окно.

* * *

А там — «нигде», и за его пределом
мы остаёмся, покидая тело,
легко мириаясь с исчезновением рук,
совсем иной воспринимая звук.
Невидимы, проходим сквозь сады
и пробуем запретные плоды.

Но времени развязанный кушак
не волен отмерять полёт, как шаг.
Пустых объёмов краткое «прощай»
под пологом незримого плаща
давно и жёстко сведено к нулю,
и лишь полоска узкая: «Люблю», —

укрытая невзрачной дымкой льда,
предчувствует всю тяжесть «никогда».
О, кто бы знал: куда уходит жизнь,
и как там — тяжелей иль проще жить
нам было бы, потерянным, тогда?..
Но всё на свете знает лишь вода...

* * *

Д. Цесельчуку

Уходить не впервой:
ускользает и тает причал
за скалистой горой,
неприступной, слепой и надменной...
Разгулялись ветра,
но Эоловой Арфы настрой
только множит печаль
потерявшей надежду Вселенной.

Не впервой уходить...
Отпусти, не удерживай, Звук!
Неуместна печаль
на пороге иных воплощений.
Жизни тянется нить,
но Сансары теряется круг,
растворяется даль
в сонном мороке скрытых смещений.

На прощанье прошу:
пусть подарит фиал чародей
и наполнит вином
или пряным медовым настоем —
лишь его уношу,
сохраню на далёкой звезде,
буду в мире ином
ароматом Земли успокоен.

*О Муза, отведи
печаль*

УЖЕ ТОРОПИТСЯ ДРУГОЙ

1

Размерно и постоянно:
волна в волну, волна к волне....
Так отрешённо и так странно
ты улыбаешься луне

и наблюдаешь, как наяды
играют в прятки у воды...
За гранью разума и взгляда
стираются твои следы.

Над Крымом ночь теряет звёзды...
Неотвратим, необратим
ночной полёт. Рассвет белёсый
вот-вот — и осчастливит Крым.

И всё, что грезилось стихами,
уйдёт. Откроет берег дно.
Светлеет. Странный гул стихает.
Рассвет. Не страшно. Не темно.

2

Ты, улыбавшийся луне,
издалека, за гранью взгляда,
ты больше не придёшь ко мне.
Пусть так — не приходи, не надо!

Уже торопится другой,
волнующий и рвущий мысли,
поднявший горизонт дугой,
презревший проповеди смысла,

несущий благодать греха
в души остывшие хоромы,
накинувший петлю стиха,
безжалостный и незнакомый.

Я буду умолять — прости! —
стать тенью за его спиною
и твердью на его пути,
пускай за гранью неземною.

И пусть на музыку его
ложится слов моих признание,
как волшебство на волшебство
и как желанье на желанье.

* * *

На белые лотки выкладывая сельдь,
ты соль земли приманиваешь к соли
её увядших жабр.
Вздыхает море, меченное Богом
небесной солью.

Солью солениц, в печи прогретых
«чистым четвергом», спасёшь ли душу
от пустых наветов?

Лоснится сельдь, скользят лотки...
В солёных взглядах — горечь
пока невыпитого пива.

День близится к концу,
как жизнь, что солона
от горечи хмельной.

Белеют облака,
как соль в солонке.

* * *

Уходила полем, лесом,
сквозь туманные завесы
и вспотевшие луга.
Пересмеивались блики,
темень пьяной ежевики
застилала берега.

Стыла слякоть по ухабам;
как беременные бабы,
в небо пялились стога.
Раздиралось платья в клочья
по ольховникам и кочкам,
по дремучим берегам.

Веком вкопанные вешки,
как сухие головешки,
больно били по ногам.
Что там ливень, что там слёзы
на краплёные берёзы,
что там ветер на луга...

Полем, лесом уходила —
помогала Божья сила
не собрать земную грязь...
Дом забыт, забит и предан,
не найти в полыни следа —
ухожу, перекрестясь...

* * *

Даст ли кто в пути напиться?
Жесты грубы, стылы лица,
и в пустых глазницах — мгла...
Скоморохи, как сороки,
слоганов бормочут строки,

клонит черная молва...
Боже, дай проворность птичью
пролететь сквозь злоязычье
на другие берега —
к белой паперти стиха.

Стихотворец

Ну что, пугливый стихотворец,
боишься шорохов и слов...
Ты, как безумный царедворец,
короноваться не готов.

Ты не готов вернуть голландца
Летучего с летучих сфер
и бубен древнего шаманства,
как ветошь вечности, отверг.

Страшась подвоха и обмана,
то мельтешишь, то лжёшь в стихах,
а где-то там фата-морганой
твоя тайга встаёт в песках.

Тебе спасенье — дикий бор
и королевская охота...
Прислушайся: диктует Бог
ещё неслыханное что-то...

Перед тобой — дорог расклад
и эхо русского раздолья,
и муза дикая, как воля,
и вечный шутовской наряд.

* * *

Е. Степанову

От слов и слоганов банальных,
от вязких паутин и патин,
лоснящихся и бурых пятен
в пеналах улиц привокзальных,
бесмысленных речей и дрызг —
туда, в брутальный визг и лязг..
Где трансформация волной,
отмыв пустых речей потоки,
сакральные оставит строки —
чистейшие: одна к одной!

На Кавказе

Я чту тебя, незрячий Бог,
живущий в недрах подсознания.
Из мрачной тьмы промозглой ранью
ты от меня уйти не смог,

и молча слушаешь прибой,
шуршанье гальки, стоны чаек...
Коснись плеча, прерви молчанье.
Слепой, поговори со мной.

Мой Бог, понянчи боль мою,
смахни слезу с лица Кавказа,
где льется синь, голубоглаза...
Дай удержаться на краю!

Музе

Я всё забыла, всё забыла,
все щели памяти забила...
Так долго я была в плену,
так долго тешила вину,
так долго яблоч золотых
из мокрых трав не поднимала,
простых вещей не понимала,
речей не слушала твоих,
моя застенчивая Муза...
Теряла твой летящий след,
твоих кудрей забыла цвет
и лёгкий шёлк крылатых блузок.
О Муза! Отведи печаль,
позволь мерцающей водицы
из чаши памяти напиться,
коснуться твоего плеча,
в твои владенья заглянуть,
где явь и сон неразделимы,
и если я ещё любима —
дай невозможное вернуть.

* * *

И только ночь — стена
меж смертью и бессмертьем,
и смертным не слышна
слепая поступь смерти.

* * *

Гуляют ветры по оврагам,
петляя в ворохе цветном.
Летит сентябрь канадским флагом
и падает российским сном.

* * *

Городской сумасшедший, кружись, заморачивай люд!
То не лица вокруг, лишь одни карнавальные маски!
Ковыляй на ходулях, садись на кривые салазки...
Все сонеты терновым венком заплети — не поймут!

* * *

Хладнокровная жизнь, бестолковая тяга к рублю.
Слово «бизнес», которое я не люблю,
для меня — бесполезный фетиш: я лукавство его различаю.
Ожиданьем живу и по тёмным озёрам скучаю,
и славянский напев в отголосках бессонниц ловлю.

* * *

Кромешна ли ночь?
Не ведаю.
Луна отдыхает:
только блик — полукруг
на тёмном стекле
барометра.
Красный глаз монитора
ещё жив —
неподвижен и ждёт...
Дремлет высохший мак
в узкой вазе.
Темнота ли вокруг,
если видно детали?
Едва ли.
Не моя ли дорога
остывает в ночи
лунным светом?..
Я пока не готова
уйти и расстаться
с перестуком часов,
силуэтом
старинного шкафа,
до отказа набитого
мудростью мира,
резвой глупостью,
серым безмолвием
похороненных,
вымерших фраз.
Не готова покинуть
бессменное ложе,
разнотравьем прозренья
восходящее утру навстречу...

Читая Бродского

Из мглы чужбин не вырваться никак.
Бред Бродского божественно бессилён:
медлительное сердце в узелках,
блуждают мысли в плодоносном иле.

Всё грезятся песчаные холмы
и серебристый свет родной юдоли.
В водоворот словесной кутерьмы
бросаешься... И тонешь поневоле.

Но чужеземной чайки ловишь крик,
и замкнутый в тебе трепещет гений
и переводит на родной язык
твоё долготерпенье и смятенье.

*Миражи
оукраин*

Первый Обыденский

Будет ли так же, как было когда-то?..
Снова услышу ли прерванный звук
тёплого голоса, скрипа кровати
стука игрушки, скользнувшей из рук,

звона «обыденской» той колокольни,
пенья в заутреню на Покрова...
Нет, остальное — не помню, не помню...
Плоти ещё не знакомы слова.

Боже! Как много ещё не знакомо
бренному телу — вместилищу мук.
Путь не окончен от отчего дома
к дому небесному — храму разлук.

На Третьей Мещанке

Туда заглянуть невозможно без зова,
без тихого шёпота, шороха, без
чуть слышного нам в ночи позывного —
желанного оклика дальних небес...

Подтаявший снег и капель... Не весна ли?
Однако, февраль...

Но как пахнет весной!

Тепло ль воробьям у ограды? Едва ли...
Срываются капли с решётки резной
и падают, падают вниз, в ледяное —
иное пространство на том берегу,
где кто-то выводит знакомое слово
«Любовь» на готовом растаять снегу.
Мы были, нас не было, или затерян
негаданный выход к туманной стране?
Дверные звонки перепутали двери
в домах, где герани на каждом окне.
Видавшие виды забытые санки,
стремянки и лыжи стоят у стены...
В предместьях былого — на Третьей Мещанке
от дома до дома шаги сочтены.

Сирень

Закипела, вспыхнула, очнулась —
крестоцветка, золушка, судьба.
Я тебя узнала в недрах улиц;
то твоя, быть может, ворожба...

Отчего же мы с тобою плачем?
Отпусти — не оглянись назад.
Успокойся, ничего не значит
твой внезапный, нервный крестопад.

Ничего не значит, успокойся,
череда больных и бледных зим,
и никто теперь уже не спросит,
что тогда нас разлучило с Ним.

Канул тёмный звук Его свирели,
растворился в недрах и пропал...
Успокойся. Что ты, в самом деле?
Отражайся в глубине зеркал

на моём столе, где ароматы
от твоих нежнейших куполов...
Разве мы с тобою виноваты?
Бродят тени запахов и слов —

отворяют двери снов, уносят
в те края, где луны в тополях,
где Его звезда разбилась оземь —
в прах.

* * *

Прошла пора. Сомнений половик
прилежно выбит — больше ни пылинки!
И только сон сдаваться не привык —
привычно тиражирует картинки:

огни катка, Мещанские, Мечеть,
круженье снега в Сретенских теснотах,
зима, любовь... и можно разглядеть,
где прошлое разложено по нотам...

Но выцветают ноты... Музыкант
так близко подошел — и отвернулся...
Смешной колпак надел комедиант —
зевнул, всплакнул и хитро улыбнулся.

Он, кажется, хохочет до сих пор,
И, сотрясая смехом всю округу,
безжалостно озвучивает вздор,
который мы с тобой несли друг другу.

Перунов день

Язычество — твоя пора!
Ряди доверчивые ели!
Метели буйная игра
окончилась в конце недели.

Вчерашний снится снегопад —
пришел конец его раздолью!
В Перунов день* огни горят
и тройка мчится в чистом поле...

Из виртуальности высот,
сметая вирусы с инета,
Он под паролем «Новый год»
войдёт, и ты заметишь это.

Так неожиданно войдёт
и оправдает ожидания.
Его загадочный приход —
сам исполнение желанья.

---

* Начало 2010 г. выпало на ночь с четверга на пятницу. Четверг — день недели, посвящённый у славян Перуну.

* * *

И. Д.

Должна быть чтима памятью, но память
мне ничего не скажет о сестре...
Лишь пустота в том месте, где могла быть
её судьба, где биться и гореть
вчерашним будням, долгим разговорам
под яблоней у тихого костра...
Но горький сон терзает ночь повтором:
проходит женщина, но это — не сестра.

* * *

Всё тогда звалось любовью.
На двенадцатый этаж
плыл, касаясь изголовья,
летней мистики купаж.

Голоса теряли силу —
голосила тишина...
и вселенная носила
нашей страсти имена.

* * *

А. Ф.

Забыла имя, русское, как степь,
как небо над стрехой,
как трав шуршанье.

Так холодно, когда забыто имя,
блуждать по норам комнат и дворов
и обивать пороги узнаванья.

Забыла имя, Алое, как кровь,
и нежное, как ЛЁн,
и ШАлое, как ветер...
Я так
любовь звала
когда-то.

* * *

О. К.

А прошлое зовёт к себе погреться:
камин пересыпает угольки...
Монеткою в поток упало детство —
заилилось и спит на дне реки.

Оно теперь, как миражи окраин, —
где дым костров и отголоски гроз,
где кается предавший память Каин,
давно забыв, что у него склероз.

Возможно, мы с тобою виноваты:
изверились, намаялись, сбылись
и прошлого поклажи узловатой
не сберегли — другой обзавелись.

* * *

Уймись, непроходимая зима!
Мне от тебя — заложницей в маршрутке,
застравшей в пробке — не сойти б с ума.
«Да будь ты хоть на сутки

покороче... Пожалей!
Я пережду, я задохнусь стихами
и графикой заснеженных аллей,
и знаком преткновения меж нами...»

За стёклами всё громче скрипы шин
а ветер гонит снегопад убогий,
и снег, теряясь в кружеве вершин,
сливается с отчаяньем дороги.

«О Боже, коль меня оставишь здесь —
в бездолье, тесноте и непокое,
где униженья ненавистна взвесь,
и знак движенья дорогого стоит,

то пусть мне ангел колыхнет крылом —
ты лишь ему позволил быть крылатым.
На суетной маршрутке, за стеклом,
я разгляжу его перед закатом».

* * *

Тот город беззащитен и нелеп:
азийская уныла панорама.
Случаен сонный двор — мышинный склеп,
внезапно задохнувшийся от хлама.

Жужжание, кружение, гудки...
Дыханье бегущих — холотропно.
Карминного заката угольки
Безжалостно сжигают чьи-то окна.

Твой шёпот тих, я слов не разберу,
нам виден храм и различимо пенье...
Мы маемся, как тени на ветру, —
реальностью потерянные тени.

Но только я прошу тебя: читай,
не торопя свой ум и не неволя:
бегущая строка — моя печаль
на мраморной стене в прощальном холле.

Бегущая строка — моя любовь,
прошедшая сквозь тридцать три столетия
и сотни словарей, и сонмы слов
за крохотную жизнь на белом свете.

Мне город незнаком

Мне город незнаком, но где-то в нём затерян —
на третьем этаже — забытый мною свет.
Уже не ждут меня у безымянной двери,
а может быть, и двери больше нет.

Но звон колоколов — тревожней. И тревожен
вороний крик — дневной переполох.
О чём они, о чём? — О Времени? О Боже!
Когда народ ослеп, когда звонарь оглох!

За скучной чередой пустых реклам лубочных —
банальность клоунад и плачи ни о чём,
и льстивый горький мёд говорунов порочных,
и многое ещё...

Мне город незнаком!

Валдайский колокольчик

К. Кайсарову

О мой случайный друг, валдайский колокольчик,
не всяк услышит звук, не каждому дано
найти брусничный рай, затерянный меж кочек,
как некогда счастливчику — руно.

Легонько колыхну — играй, мой разум пленный!
Отступит зыбь болот, развеется печаль...
А ты уже звенишь на школьных переменах,
отпугиваешь зло и открываешь даль.

Мой драгоценный друг, божественный звоночек,
вокруг твоих широт вода смыкает круг,
и в унисон тебе звенят созвездья точек
и падают в ночи в валдайский мокрый луг.

Валдай

* * *

Этот ближний Чернушечный лес обещает «улов» —
будет время о многом забыть. У тебя за спиной
притаившийся профиль забвенья открыться готов —
оглянись, и увидишь его за озябшей сосной.

Потяни на себя весь игольчато-мшистый покров
неожиданной рёлки*, затерянной в странных мирах,
надьшись этим терпким настоем — туманом веков,
позабудь, что земля под ногами — спрессованный прах.

Если хочешь — кричи, но никто не услышит твой крик —
здесь, в узорах чужого плетенья, теряется звук...
Обернись муравьём — муравьиного мира язык
ты ещё не постиг, не успел, не настроил свой слух.

Растворись в необъятном. Пустого не требуй взамен.
Вязкий сок голубики остудит сомненья. Замри —
ты теперь лишь трава, ты сиреневый вереск у стен
безымянного мира под дерзкой полоской зари.

Валдай

---

* Рёлка — поросшая лесом продолговатая возвышенность.

Нереальность

Глухая бесконечность до рассвета,
во влажной тьме тревожно и бездомно...
Идти, бежать, стоять в объятьях лета
и темноты, прислушиваясь к стонам
безжизненного остова сосны?
Всё кажется чужим и незнакомым
под взглядом убывающей луны —
нетленным, неземным и невесомым.
Я не одна? Мы были здесь когда-то,
но нынче не найду твоих следов.
Примята ли трава? Не знаю. Не примята...
Лесной настой дурманящ и медов,
и грезятся, и льнут твои объятья,
и падают две мокрые звезды...
Роса. Светает. Тяжелеет платье.
Невиданные видятся следы
куда-то в новый мир, где позолота
коснётся утром каждого ствола...
И что-то там ещё, что для полёта
ночная нереальность создала.

Валдай

* * *

Светлой осени треть оставляя в лукошке Валдая,
разомкну череду разногласий с собой и пространством —
Ухожу, убегаю в Москву...

Синий мох, оседая,
не спешит под листву, удивляя своим постоянством.

Стеклeneют озёра: ни блика, ни всплеска, ни ряби,
даже оклик Перуна спокойствия вод не нарушит,
даже крики ворон, даже всхлипы болотистой хляби
никогда не проймают водяных водянистые души.

Разве только зима ледяною своей колотушкой
утрамбует и спрячет и мхи, и болота, и воды...
Станет бор берендеев живой новогодней игрушкой,
а дорога к апрелю — шестёркой гадальной колоды.

Не гони меня, осень, кидая под ноги предзимье,
не рассеивай взгляда багряной пургой листопада.
Разве были последними те промелькнувшие зимы?
Всё прошло и пройдёт, и излишней печали не надо.

Валдай

* * *

Всё так же, как вчера:
с ладони кормит вечер
антоновкой,
и запахи легки,
и близится закат...

В колодце спит вода,
Бог зажигает свечи,
и тлеют костерки,
и засыпает сад.

За пятою стеной
усталой пятистенки
угас вражды пожар
но, вопреки всему,

сон ходит, как больной...
Луна снимает пенки,
плывущих облаков,
и гонит их во тьму...

Любимый «Vergnano»*

В. В. и Т. Б. Александровым

Обжигаше-чёрный, прошедший сквозь жерло «делонги»,
без тебя не усну. Ну а если проснусь очень рано,
то, накинув китайский халатик, пристроюсь в шезлонге,
чтобы выпить волнующе-терпкий и горький «Верньяно».
Остаюсь в добровольном плену. О, дурмящий запах
твоих молотых зёрен! В чёрной гуще — разгадка судьбы.
Помню: вечер в Палермо подкрался на бархатных лапах,
а потом в италийской ночи голубые тонули сады.

Здесь другая погода, прости мой неласковый север.
Августовская ночь до обиды порой холодна,
только горечь «Верньяно» и розовый зябнувший клевер,
вдруг напомним, что лето бывает бедней, чем весна.
Сквозь резной виноград виден сад, словно матрица мира.
Уходящей луны растворяется белый агат.
Незнакомые птицы на утреннем небе — пунктиром,
а знакомые — рядом о чём-то надсадно кричат.

---

* Vergnano (итал.) — В этом кофе соединены самые лучшие сорта «Арабики» и «Робусты» со всего мира.

* * *

Никогда не приеду на дачу,
позабуду шершавый порог!
Длись, неведение жизни незрячей
и разлуки пожизненный срок!

Не поеду. Умру — не поеду!
Почему же под скрипы сосны
я во сне по незримому следу
ухожу в зазеркалье весны?..

Той весны, где темнели от влаги
брёвна стен, где терялась тоска,
наполнялись дождями овраги,
билось солнце в окно чердака.

Где катилось, искрилось, металось
наших встреч золотое руно...
Не вернусь! Ничего не осталось:
время в Лету ушло всё равно.

Прощанье

В часы, когда покину твой порог
надолго, а быть может, и навечно, —
Переживи хоть ты разлуки срок:
земные встречи слишком скоротечны.

Присяду на прощанье у перил,
воды гранёной выпью на дорогу,
я сохраню всё то, что ты дарил,
Мой Дом. Надолго, навсегда — и слава Богу!

А ты забудь. Пусть скрипом половиц
и отраженьем лун продлятся ночи.
Я — боль твоя в прощальном крике птиц,
и новой встречи нам не напророчу.

Мой «Dillon»*

Родителям

Я и во сне спешу к тебе:
в твой знойный день, в вечерний спад,
в низину к сонному костру,
ещё горящему в судьбе
и тающему на ветру...
Мой сад, мой *Диллон* родовой,
мой истинный и роковой,
ты знаешь всей судьбы расклад,
и не приветствуешь измен,
не веришь Книге Перемен —
она горит в твоих кострах,
на ближних подступах, в ночи,
а с нею — нищета и страх...
Не прекословь: молчи, молчи...
Я пробую закрыть глаза,
ты шелестишь: «Нельзя, нельзя —
смотри: любовь горит в огне —
твоя любовь горит ко мне,
и будет холодно — прости...»
Я умоляю: «Отпусти!
Устала ссориться с судьбой!
С твоей землёй боюсь проститься,
твои осенние гостинцы
последний раз беру с собой,
чтоб в памяти, на дне, остались,
не искупив моей вины.

---

* «Диллон» («Dillon») — сад в центре Дублина, созданный Хэлен Диллон. Один из самых ярких и запоминающихся ирландских садов. Получил всемирную известность благодаря книгам, лекциям, выступлениям Хэлен.

Мой сад, я не захопну ставни,
твоей потерянной страны,
но, может быть, слезу от горя
смахнув на новом берегу,
я сквозь тебя не только море —
галактику открыть смогу!
Поверь, я остаюсь мостом,
твоим мостом к иному солнцу,
где тоже будет рыжий дом,
где гром над облаком смеётся,
где вольно пишутся стихи,
друзья копейки не считают,
награды — листьями ольхи
летят, мерещатся и тают.

* * *

Как насыщенный воздух упруг —
просто режь его... мажь на краюху,
потакай изощрённому слуху
комариной рапсодией.

Слух

распускай о превратностях ночи,
распознавшей бессонницы суть.
невзначай, просто так, между прочим,
разрешившей в глаза заглянуть
этой вечности иссиня-чёрной,
этой кипельно-белой, льняной...
«Дежавю», милый мой — всё повторно,
всё когда-то случалось со мной.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Елистратов. О стихах Татьяны Кайсаровой.....</i>	<i>3</i>
«Все слова и желанья давно и не мной сочтены...»	5

I. ВОЙДИ В МОЙ СОН

1. «Прошу тебя, неведомо и тайно...»	7
2. «А дождь начнётся невзначай...»	9
3. «Нам уже не стать рабами тени...»	10
4. «Сегодня ты в миноре и одна...»	11
5. «В этом странном, нелепом кочевье...»	12
6. «Зачем ты бережёшь меня? Не надо!...»	13
7. «Ты засыпаешь: на восток...»	14
8. «Коль затянется лето, то будет негаданной осень...»	15
9. «Закончится ночь. Я не знаю, чем утро начнётся...»	16
10. «Там было всё не так, как в Подмоскowie...»	17
11. «Какую тревогу скрываешь, мой нежный...»	18
12. «Не уснуть. Наплывающей тьме вопреки...»	19
13. «Зима к концу. Уже за середину...»	20
14. «Хрустальный день не для игры...»	21
15. «Густым вином — лечи былое...»	22
16. «Поверь, мне грусть твою лечить...»	23
17. «На стенах старинных не стоит, не стоит...»	24
18. «О память, отпусти — не вспоминаю...»	25
19. «Краткие промельки: снег и вода...»	26
20. «Не станешь оплакивать долго былую потерю...»	27
21. «Мигнёт востоку спелая звезда...»	28
22. «За снегопадом снегопад...»	29
23. «Когда решишься уходить...»	30
24. «Он так далёк, тобою чтимый юг...»	31
25. «Осень озимью пахнет и скорой разлукой...»	32
26. «Размыта память в серых камышах...»	33
27. «Белёсый свет в родимом храме сруба...»	34
28. «Такое солнце, тает снег в горсти...»	35
29. «Твой холод порою сродни вековым ледникам...»	36
30. «Я снилась тебе в азиатской чадре...»	37

II. ЧЕМ С МИРОМ СВЯЗАНА

«Не читаю убогих сказаний о злых временах...»	39
На грани баловства.....	40
«Прислушайся: по клюквенным болотам...»	41
«Намекни мне, Всевышний, зачем я на этих весах...»	42
«О Боже, не ропщу и не скорблю...»	43
След журавлиный	44
«Дневное диво, таинство ночное...»	45
«Уже случилось, всё равно...»	46
«Какие до рожденья видим сны...»	46
«А там — «нигде», и за его пределом...»	47
«Уходить не впервой...»	48
Время.....	49

III. О МУЗА, ОТВЕДИ ПЕЧАЛЬ

Уже торопится другой

1. «Размеренно и постоянно...»	51
2. «Ты, улыбавшийся луне...»	52
«На белые лотки выкладывая сельдь...»	53
«Уходила полем, лесом...»	54
«Даст ли кто в пути напиться?...»	55
Стихотворец.....	56
«От слов и слоганов банальных...»	57
На Кавказе.....	58
Музе.....	59
«И только ночь — стена...»	60
«Гуляют ветры по оврагам...»	60
«Городской сумасшедший, кружись, заморачивай люд...»....	61
«Хладнокровная жизнь, бестолковая тяга к рублю...»	61
«Кромешна ли ночь?...»	62
Читая Бродского.....	63

IV. МИРАЖИ ОКРАИН

Первый Обыденский	65
На Третьей Мещанке	66
Сирень	67
«Прошла пора. Сомнений половик...»	68

Перунов день	69
«Должна быть чтима памятью, но память...»	70
«Всё тогда звалось любовью...»	71
«Забыла имя, русское, как степь...»	72
«А прошлое зовёт к себе погреться...»	73
«Уймись, непроходимая зима!..»	74
«Тот город беззащитен и нелеп...»	75
Облака.....	76
Мне город незнаком	77
Валдайский колокольчик.....	78
«Этот ближний Чернушечный лес обещает “улов”...»	79
Нереальность.....	80
«Светлой осени треть оставляя в лукошке Валдая...»	81
«Всё так же, как вчера...»	82
Любимый «Vergnano»	83
«Никогда не приеду на дачу...»	84
Прощанье	85
Мой «Dillon»	86
«Как насыщенный воздух упруг...»	88

Татьяна Мартиновна Кайсарова
Тёмный мёд
Стихи

Редактор — Евгений Степанов
Художественный редактор — Андрей Глазов
Корректор — Татьяна Смирнова
Компьютерная верстка, макет — Марина Кива

Бумага офсетная
Гарнитура Constantia
Тираж 200 экз.
Сдано в набор 20.05.2010
Подписано в печать 08.06.2010

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75
Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.